

Дени. Ги де Мопассан

Леону Шапрону[2]

Г-н Марамбо распечатал письмо, поданное ему слугой Дени, и улыбнулся.

Дени вот уже двадцать лет служил у него; это был человек маленького роста, коренастый и веселый, считавшийся во всей округе образцовым слугой.

– Довольны, сударь? Получили хорошее известие? – спросил Дени.

Г-н Марамбо не был богат. Бывший деревенский аптекарь, холостяк, он жил на небольшой доход, с трудом нажитый от продажи крестьянам лекарств. Он ответил:

– Да, дружок. Папаша Малуа испугался процесса, которым я пригрозил ему. Завтра я получу свои деньги. Пять тысяч франков пригодятся в хозяйстве старого холостяка.

И г-н Марамбо потер руки. Это был человек вялый по натуре, скорее грустный, чем веселый, не способный ни на какое длительное усилие, беспечный в делах.

Он, конечно, мог бы добиться большего достатка, сделавшись преемником какого-нибудь из умерших братьев, живших в более значительных центрах, и переняв круг его покупателей. Но мысль о докучных хлопотах по переселению и всех тех заботах, которыми ему пришлось бы забивать голову, постоянно удерживала его; поразмыслив денька два, он ограничивался тем, что говорил:

– Баста! Отложим до следующего раза. Выжидая, я ничего не теряю. Быть может, найдется что-нибудь и получше.

Дени, наоборот, побуждал своего хозяина что-нибудь предпринять. Обладая деятельным характером, он постоянно твердил:

– О, будь у меня с чего начать, я бы сумел нажить состояние! Только тысячу франков, и мое дело было бы в шляпе.

Г-н Марамбо улыбался, ничего не отвечая; он выходил в свой маленький садик и принимался расхаживать, заложив руки за спину, о чем-то мечтая.

Весь этот день Дени распевал деревенские песенки, как человек, который чему-то радуется. Он проявил даже необычайную деятельность и вымыл все окна в доме; он с жаром протирал стекла, горланя свои куплеты.

Г-н Марамбо, удивленный его усердием, несколько раз повторил ему, улыбаясь:

– Если ты будешь так работать, дружок, тебе не останется дела на завтра.

На следующий день, часов в десять утра, почтальон передал Дени четыре письма для его хозяина, в том числе одно очень тяжелое. Г-н Марамбо сейчас же заперся в своей комнате и пробыл там далеко за полдень. Затем он поручил слуге отнести на почту четыре пакета. Один из них был адресован г-ну Малуа; это была, вероятно, расписка в получении денег.

Дени не задал своему господину ни одного вопроса; в этот день он казался настолько же унылым и мрачным, насколько был весел накануне.

Пришла ночь. Г-н Марамбо лег в обычный час и заснул.

Его разбудил странный шум. Он присел на постели и прислушался. Дверь вдруг отворилась, и на пороге появился Дени, держа в одной руке свечу, а в другой кухонный нож; его глаза были расширены и неподвижны, лицо искажено, как у человека, охваченного ужасным волнением, и он был так бледен, что казался выходцем с того света.

Изумленный Марамбо подумал, что Дени лунатик, и хотел было уже встать и подбежать к нему, как вдруг слуга задул свечу и ринулся к кровати. Хозяин протянул вперед руки и получил удар, опрокинувший его на спину; решив, что слуга сошел с ума, г-н Марамбо старался схватить его за руки, чтобы отвести удары, которые тот ему наносил один за другим.

Первый удар ножом задел ему плечо, второй пришелся в лоб, третий в грудь. Он отчаянно отбивался, размахивая в темноте руками, отбиваясь изо всех сил ногами и крича:

– Дени! Дени! Ты с ума сошел, послушай, Дени!

Но тот, задыхаясь, продолжал с остервенением наносить удары, и, отбрасываемый то толчком ноги, то ударом кулака, снова в бешенстве возвращался назад. Г-н Марамбо получил еще две раны в ногу и одну в живот. Но вдруг одна мысль мелькнула, как молния, у него в голове, и он закричал:

– Перестань же, Дени, перестань, я не получил денег!

Слуга тотчас же остановился; хозяин слышал в темноте его свистящее дыхание.

Г-н Марамбо продолжал:

– Я ничего не получил. Господин Малуа отказывается платить, будем судиться, потому-то ты и относил письмо на почту. Прочти-ка лучше бумаги на моем письменном столе.

Сделав последнее усилие, он взял с ночного столика спички и зажег свечу.

Он был весь в крови. Горячие струи забрызгали стену. Простыни, занавеси – все было красное. Дени, также окровавленный с головы до ног, стоял посреди комнаты.

Увидев все это, г-н Марамбо подумал, что умирает, и потерял сознание.

На рассвете он пришел в себя. Понадобилось некоторое время, пока к нему вернулась способность чувствовать, соображать и припоминать. Но вдруг он вспомнил о покушении, о полученных ранах, и им овладел такой страх, что он закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. Через несколько минут ужас немного ослабел, и он стал размышлять. Если он еще не умер, значит, может поправиться. Он чувствовал себя слабым, очень слабым, но не испытывал острой боли, хотя в различных местах тела у него и было очень неприятное ощущение, словно от каких-то щипков. К тому же он совсем ооченел, промок и, казалось, был стянут, точно обмотанный повязками. Он подумал о пролитой крови, и дрожь ужаса пробежала по его телу при страшной мысли, что вся эта красная жидкость, которую была залита кровать, вытекла из его собственных жил. Мысль, что он снова может увидеть это ужасное зрелище, взволновала его, и он с силой зажмурил глаза, как будто они собирались открыться вопреки его желанию.

Что стало с Дени? По всей вероятности, он скрылся.

Но что было делать теперь ему, Марамбо? Встать? Позвать на помощь? Но ведь если он сделает малейшее движение, его раны, наверно, опять откроются и он умрет, изойдя кровью.

Вдруг он услышал, что дверь в спальню отворяется. Его сердце замерло. Это, разумеется, был Дени, явившийся его прикончить. Он задержал дыхание, чтобы убийца подумал, что все и так уже кончено, что дело сделано.

Он почувствовал, как приподняли простыню, как ему ощупали живот. Острая боль у бедра заставила его вздрогнуть. Теперь его очень осторожно обмывали свежей водой, значит, преступление открыто и за ним ухаживают, его спасают. Безумная радость овладела им, но, продолжая сохранять осторожность, он не захотел показать, что к нему вернулось сознание, и с величайшей опаской приоткрыл один глаз.

Он увидел возле себя Дени. Дени собственною персоной! Милосердный боже!.. Он стремительно закрыл веки.

Дени! Что же он делает в таком случае? Что ему нужно? Какие еще ужасные умыслы питает он?

Что он делает? Ага, он обмывает его, чтобы скрыть следы! Не намеревается ли он теперь зарыть его в саду на десять футов под землей, чтобы никто не мог найти труп? Или, быть может, он спрячет его в подвале, под бутылками вина?

И г-н Марамбо начал так сильно дрожать, что все его тело трепетало.

Он думал: «Я погиб, я погиб!» – и с отчаянием сжимал веки, чтобы не видеть последнего удара ножом. Но удара не последовало. Теперь Дени приподнял его и стал забинтовывать. Затем он принялся тщательно перевязывать рану на ноге, как он научился это делать у своего хозяина, когда тот был аптекарем.

Для специалиста, каким был г-н Марамбо, сомнений больше не оставалось: слуга, сделав попытку убить его, теперь старался его спасти.

Тогда г-н Марамбо умирающим голосом дал ему следующий практический совет:

– Для обмываний и перевязок употребляй воду с коальтаровым мылом[3].

Дени ответил:

– Я так и делаю, сударь.

Г-н Марамбо открыл оба глаза.

Ни малейших следов крови не было больше ни на постели, ни в комнате, ни на убийце. Раненый лежал на совершенно чистых простынях.

Оба человека взглянули друг на друга.

Наконец г-н Марамбо с кротостью промолвил:

– Ты совершил большое преступление.

Дени ответил:

– Я стараюсь искупить его, сударь. Если вы не донесете на меня, я буду вам верно служить, как и раньше.

Минута была не подходящая, чтобы противоречить слуге. Закрывая глаза, г-н Марамбо твердо произнес:

– Клянусь, что не донесу на тебя.

Дени выходил своего господина. Он проводил дни и ночи без сна, не отлучаясь из комнаты больного, готовил ему лекарства, примочки, прохладительное питье, щупал пульс, с беспокойством считая удары, ухаживал с ловкостью сиделки и сыновней преданностью.

Каждую минуту он спрашивал:

– Ну что, сударь, как вы себя чувствуете?

Г-н Марамбо отвечал слабым голосом:

– Немного лучше, дружок, спасибо.

Просыпаясь ночью, раненый нередко видел, что его слуга плачет, сидя в кресле, и молча вытирает глаза.

Никогда еще бывший аптекарь не был окружен такой заботливостью, никогда его так не баловали и не ласкали.

Сначала он говорил себе: «Как только я выздоровею, я отделаюсь от этого негодяя».

Начиная теперь выздоравливать, он со дня на день откладывал разлуку со своим убийцей. Он думал о том, что никто не будет относиться к нему с таким вниманием и чуткостью, что страхом разоблачения он держит этого парня в руках, и предупредил его, что передал на хранение нотариусу завещание, которое отдаст Дени в руки правосудия, если бы опять произошло что-нибудь подобное.

Эта предосторожность, казалось, обеспечивала его в будущем от всякого нового покушения; кроме того, у него возникал вопрос, не будет ли даже благоразумней оставить при себе этого человека, чтобы внимательно наблюдать за ним.

Подобно тому, как прежде он колебался приобрести другую, более доходную аптеку, так и теперь он не мог прийти к определенному решению.

– Времени еще хватит, – говорил он себе.

Дени продолжал быть тем же образцовым слугой. Выздоровев, г-н Марамбо оставил его у себя.

Но вот однажды утром, когда г-н Марамбо кончил завтракать, он вдруг услышал сильный шум в кухне. Он побежал туда: Дени, схваченный двумя жандармами, отбивался от них. Бригадир сосредоточенно делал заметки в записной книжке.

Едва увидев своего хозяина, слуга стал рыдать, восклицая:

– Вы донесли на меня, сударь, это нехорошо с вашей стороны, вы же мне обещали. Вы нарушили свое честное слово, господин Марамбо; это нехорошо, это нехорошо!..

Г-н Марамбо, пораженный и в отчаянии, что его заподозрили, поднял вверх руку:

– Клянусь тебе именем бога, дружок, что я не доносил на тебя. Я совершенно не знаю, откуда господа жандармы могли узнать, что ты пытался меня убить.

Бригадир так и подскочил:

– Вы говорите, что он хотел убить вас, господин Марамбо?

Аптекарь, растерявшись, ответил:

– Ну да... Но я не доносил на него... Я ничего не говорил... Клянусь, я ничего не говорил... Он служил мне очень хорошо с тех пор...

Бригадир сурово отчеканил:

– Я записал ваше показание. Правосудие рассмотрит этот новый факт, который был ему неизвестен, господин Марамбо. Мне поручено арестовать вашего слугу за кражу двух уток, похищенных им у господина Дюамеля, чему имеются свидетели. Прошу извинения, господин Марамбо. Я доложу о вашем показании.

И, обратившись к своим подчиненным, он скомандовал:

– Ну, в дорогу!

Жандармы потащили Дени.

Адвокат настаивал на наличии сумасшествия, подтверждая для усиления аргументации одно преступление другим. Он ясно доказал, что кража двух уток произошла в силу того же самого психического расстройства, при котором г-ну Марамбо были нанесены восемь ударов ножом. Он подверг тонкому анализу все фазы этого временного умопомешательства, которое, без сомнения, пройдет после нескольких месяцев лечения в хорошей лечебнице для душевнобольных. Он говорил в восторженных выражениях о постоянной преданности этого честного слуги, о несравненных заботах, которыми тот окружал своего господина, раненного им в минуту помешательства.

Тронутый до глубины сердца этим воспоминанием, г-н Марамбо почувствовал, как увлажнились его глаза.

Адвокат заметил это; широким жестом он раскинул руки, и длинные черные рукава его разлетелись, как крылья летучей мыши.

– Смотрите, смотрите, смотрите, господа судьи, – воскликнул он дрожащим голосом, – видите эти слезы? Что мне еще сказать теперь в защиту моего клиента? Какая речь, какое доказательство, какой довод стоят этих слез его господина? Они говорят громче меня, громче закона. Они кричат: «Прощение обезумевшему на один час!» Они взывают о милости, они прощают, они благословляют!

Он замолчал и сел.

Тогда председатель суда обратился к Марамбо, показания которого были превосходны для его слуги, и спросил его:

– Но все же, сударь, допуская даже, что вы считали этого человека сумасшедшим, – все же остается непонятным, как могли вы его оставить у себя? Ведь от этого он не становился менее опасным.

Марамбо ответил, вытирая себе глаза:

– Что же делать, господин председатель, ведь так трудно найти слугу по нынешним временам. Лучше его я и не нашел бы.

Дени был оправдан и помещен в убежище для душевнобольных за счет своего хозяина.

Примечания

1 Напечатано в «Голуа» 23 июня 1883 года.

2 Леон Шапрон – французский журналист, сотрудничавший с Мопассаном в некоторых газетах. Автор рецензии на «Вечера в Медане», напечатанной в «Эвенман» 19 апреля 1880 года.

3 Коальтаровое мыло – особенное мыло, приготовленное из каменноугольной смолы и употреблявшееся в середине XIX века как дезинфицирующее средство.